

Праздник со слезами на глазах

И от бездушия чиновников, для которых главное — бумажка

ОНИ, СЛЕЗЫ, у участника Великой Отечественной Михаила Сидоровича Лебеда, не только по погибшим и изувеченным войной товарищам, от воспоминаний военного лихолетья на фронте и в тылу, но и от бездушия чиновников, для которых главное — бумажка, а не человек.

30 апреля один из материалов «Магнитогорского металла», посвященный 60-летию Победы, был сопровожден фотографией, сделанной в прошлом году у братских могил левобережного кладбища во время поминания воинов, умерших в магнитогорских госпиталях. На снимке — худощавый человек с боевыми наградами на пиджаке, опирающийся на трость. Так бы и осталась эта фотоллюстрация безмясистой, но в редакцию позвонили родственники ветерана, Михаила Сидоровича Лебеда, попросили фото для домашнего альбома. И выяснились довольно грустные вещи.

... Судьба свела Михаила Сидоровича с магнитогоркой Антониной Петровной Куркудиновой, бывшей работницей металлургического комбината, 14 лет назад в Ялте. «Курортный роман» двух одиноких сердец обернулся нежным и трогательным семейным союзом далеко не молодых людей. Антонина Петровна оставила родной Магнитогорск и стала осваивать сельскую жизнь в небольшой, всего-то на двадцать дворов, деревеньке на Черниговщине, где Михаил Сидорович вкалывал за копейки и «палочки» трудодней с младых лет — в 13 лет он уже вступил в колхоз «Коммунизм». Отсюда, как «стукнуло» 18 лет, он ушел на фронт, вернулся, слава богу, живым и здоровым и проработал до самой пенсии. Работал комбайнером, а как стало невмоготу, перешел в сторожа. Колхоз, по всему видно, был далеко не преуспевающим. Так, за один из «урожайных» годов комбайнер Лебедь за 307 трудодней при колхозной норме 280 заработал

79 «карбованців», 829 кг зерна и 829 кг картошки. Правда, дали еще немного сена и соломы. Ну а о льготах фронтовикам в деревне разве только слышали, хотя четверть века назад Михаил Сидорович и получил «общесоюзное» удостоверение участника Великой Отечественной войны — бессрочное и действительное «на всей территории Союза ССР» и дополнительное пореформенным штампом о правах на льготы, установленные статьей 15 Федерального закона «О ветеранах».

В конце 1999 года Михаил Сидорович, гражданин Украины, и «закон-

ная» россиянка Антонина Петровна переехали в Магнитогорск: у Антонины Петровны появились серьезные проблемы со здоровьем, а в деревне даже давление не измерить, не говоря уж об элементарной медицинской помощи, лечении. Все же в этом отношении город есть город. И жить в Магнитке есть где — дети квартиру сберегли. Мало-помалу начали «оформлять» Михаила Сидоровича. Сначала дали прописку на месяц, затем — на три, на полгода, год. И только в декабре 2004 года он получил вид на жительство, что дает право на полу-

чение пенсии — на Украине он ее не получает с момента выписки. Начали собирать документы для пособия, посылать запросы на Украину. Но кому там нужен новоиспеченный «москаль»? Благо, помог местный батюшка, знающий свою бывшую прихожанку Антонину Петровну. Пришли справки и из колхоза, и из местного собесса. А у справок — срок действия. Пока третью дождался, у первой срок кончился и — по новой. В Магнитке тоже пришлось изрядно побегать за справками. Оказывается, быстро — только за деньги, а «за так» —

древле существует обычай в этот день посылать могилы своих родных. Но прежде могилки приводят в порядок: подметают, в дни поминания усопших надо посетить храм, заказать заупокойное поминовение близким, по возможности посетить кладбище и лишь потом садиться за поминальный стол. Если же ограничиться лишь устроением стола, то никакой пользы душе усопшего не принесем. К тому же восславим традициям, водкой и в дни поминания усопших считается грех и самим на душе становится легче. Мынаем усопших, и нам утешительнее, что когда нас не станет на этой земле, наши дети, братья, родственники, в очередь, будут почитать нас.

Ольга Смирнова

Украинские справки пришлось переводить на русский язык и заверять перевод у нотариуса

ОДНАЖДЫ

Пепел погибших стучит в мое сердце

Когда я был еще мальчишкой, зимой 1942 года к нам в Анненск привезли для подготовки на фронт будущих солдат. Размещали их по домам, на фасадах которых мелом старательно были выписаны дробы: 2/3, 3/5. Это означало: живут двое, следует поселить троих солдат, живут трое — можно разместить пятерых... Несколько солдат подошли и к нашему дому. Но поселился у нас один. Назвался Владимиром с Украины. За полтора месяца, что он жил у нас, я очень с ним подружился. Владимир был общителен, когда был свободен, возился со мной. Мы спали вдвоем на односпальной кровати. По вечерам он приносил солдатскую похлебку в котелке, мама выставляла на стол картошку да капусту. Получался царский стол.

Накануне отъезда он обещал писать, но мы так и не получили весточки от него. Быть может, Володя погиб в первых боях, может, был пленен. А может, и затерял листочек с нашим адресом, как у нас потерялись его координаты: фамилия и домашний адрес.

Прошла зима. Однажды летней ночью того же самого памятного 42-го мы проснулись от шума. На улице было светло как днем. На железнодорожной станции горели вагоны. В последних двух теплушках гнили в огне 150 трудармейцев, которых везли в Магнитку. Им уже ничем нельзя было помочь. Причина возгорания вагонов такова: недоезжая до станции Запасное, поезд, как говорят железнодорожники, растянулся, то есть не взял из-за перегруза подъем. Было решено отцепить шесть вагонов, подложить башмаки под их колеса. Потом с ближайшей станции за ними должен был вернуться паровоз. Но этот маневр выполнить не удалось — вагоны пошли под уклон. На следующей станции они шли уже со скоростью 60 км/час. Трудармейцы, по-видимому, спали. В Анненске в то время заправлялся водой паровоз ФД, неуправляемые вагоны со стройматериалами и людьми врезались в него, получилось месиво. Нас, местных жителей, конечно и близко не допустили к месту происшествия, но утром мы видели, как останки сгоревших людей грузили в полуторку и хоронили в братской могиле близ нашей станции. Сейчас за этой могилкой никто не ухаживает. На давно не крашенном металлическом памятнике не указано ни одной фамилии погибших.

Александр МИТРОФАНОВ, бывший работник ЛПЦ № 7.

Вкус масла, черный шелк и мрамор...

БЫЛОЕ

Было это много лет тому назад, когда отгремели залпы салюта Победы. Той самой Победы в великой войне за освобождение мира от фашистской чумы, 60-летие которой мы отметили в нынешнем году.

Мой отец, Арефий Абрамович Погребняк, погиб на фронте, успев проработать семь лет в службе движения ЖДТ комбината. О нас, троих его осиротевших детях, цех помнил всегда. Ежегодно председатель месткома Василий Жиркин вручал нам в своем кабинете две бесплатных путевки в пионерские лагеря. Были и какие-то «американские» подарки. Помню, как однажды маме досталось два шелковых театральных платья — черное и цвета морской волны. Куда она могла тогда в них пойти?.. Только лет через 20, когда приезжала к нам в город Клавдия Шульженко, мама единственный раз надела на ее концерт нарядное черное платье.

Мне из этих «закокеанских посылок» доставались то черная велюровая

шляпа, которой я могла бы, пожалуй, только сегодня, спустя полвека, прикрывать на солнцепеке голову, работая в саду. То демисезонное светло-зеленое в клеточку пальто такого фасона, каких мы отродясь не носили...

А вот когда дали нам, вдруг поллитра подсолнечного масла — это было счастье! Я несла домой драгоценную ношу и вдыхала аромат, чудесней которого, кажется, не было тогда ничего на белом свете. Не дойдя до барака, не вытерпела: откупила бутылку и отпила чуть-чуть. Вкуснятина оказалась неимоверная! Ведь в те времена мы даже вкуса настоящего сахара не знали. Вместо него нам выдавали сахарин, который мама запирала в сундуке на замок...

Все эти воспоминания всколыхнули во мне те майские дни, когда у монумента «Тыл-Фронту» появилась аллея Памяти, на мраморных плитах которой высечены фамилии наших не вернувшихся с войны отцов. Спасибо за память, отныне завещанную в веках внукам и правнукам, металлур-

поклоняешься. А еще украинские справки пришлось переводить на русский язык и заверять перевод у нотариуса. Хотя что там в «мове» непонятного? Вот, к примеру, над каким текстом зачесалось темечко наши крючковаторы: «Сосницький районний військовий комісаріат Чернігівської області». Но нашли переводчика, заверили. Но опять не так — оказывается, переводить и заверять нужно и текст на печати. Но потом Антонину Петровну, которая главным образом и бегала по мужиным делам, в собесе огорошили, мол, никаких справок не надо, по ним он будет получать копейки — оформляйте инвалидность. Положили «деда», как зовут Михаила Сидоровича дети, в больницу — обследовали, полечили, дали заключение, что человек изрядно «износился». Соответствующее заключение выдала и ВТЭК. А в собесе — новая «песня»: а зачем инвалидность, можно и со старыми справками пенсию начислить. Выходит, промурыжили четыре месяца, а Антонина Петровна от всей этой бедогни окончательно слегла. Словом, три года уже ветеран без пенсии, перебивается на пенсию жены, да дети, чем могут, помогают. Сказали, правда, что пенсию восстановят за семь месяцев, но пока — тишина.

В семье Михаила Сидоровича любят и уважают. Почитают и главный его праздник — День Победы. Вот и в прошлом году свозили его на левобережное кладбище к братским могилам. Где он и попал в объектив редакционного фотокара. Приехали пораньше, у «деда» плохо с ногами. А там — кордон, не пускают. Но Михаила Сидоровича уважили, пообщался он со сверстниками-ветеранами, повспоминали, всплакнули, пропустили по сто «фронтовых». Затем побывали у монумента «Тыл-Фронту».

В этом году решили родственники сделать Михаилу Сидоровичу приятное: пришли в военкомат Ленинского района, объяснили ситуацию и попросили поздравить ветерана от военкомата открыткой — человеку будет приятно. Он ведь сидит у телевизора, смотрит передачи о войне, ветеранах — слезы на глазах. Нет, сказали в военкомате, не можем — у нас нет его карточки из собесса. Вот пришлют — будет числиться в наших реестрах, тогда и сделаем, что положено.

Такая «история с фотографией». Юрий БАЛАБАНОВ.

Есть где поклониться

БЛАГОДАРЕНИЕ

Очень благодарна руководству Магнитогорска и области за создание мемориала Памяти защитников Отечества, погибших в Великой Отечественной.

Мой отец Роман Семенович Лабутин пропал без вести под Смоленском в октябре сорок первого. В каком именно месте сложил голову — неизвестно,

так что возможности возложить цветы ему на могилу у меня не было. Теперь есть такое место, куда могу прийти со своей болью не только я. И мы, и дети, и внуки, и правнуки могут возложить к мемориалу цветы в знак памяти. Низкий поклон всем, кто принимал участие в сооружении этого мемориала!

Зинаида БУРДАКОВА.

